

ОТ РЕДАКЦИИ

НЮ представляет новую рубрику «Книжный шкаф». С этого номера в нашем журнале будет регулярно выходить обзор Елены Пестеревой, посвященный книжным новинкам.

Елена Пестерева

ОТ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА ДО
ROMAN STENOGRAPHIQUE

В новой рубрике НЮ я планирую рассказывать о недавно вышедших книгах, и так уж получается, что в основном — о зарубежных, которые я сочла хорошими, интересными, удачными, приятно написанными. Это будут новые произведения нобелевских лауреатов, книги, только что получившие какие-то литературные премии, дорогая моему сердцу лирическая проза, книги, написанные в глубинах XX века, но к русскому читателю пришедшие только сейчас, любовные романы, травелоги и, возможно, биографии и даже поэтические сборники. Мне в данном случае совершенно не важно, насколько они отражают явления и процессы современной литературы. Я хотела бы писать не для тех, кто будет исследовать, а для тех, кто читает просто так.

С тех пор, как в 2013 году **Элис Энн Манро**¹ дали Нобелевскую премию по литературе, ее наконец-то стали переводить на русский. «Азбука» за два года выпустила восемь сборников в едином дизайне, в двух вариантах — с суперобложкой и карманная мягкая, — и останавливаться, судя по всему, не собирается. До этих счастливых дней «Иностранная литература» в разные годы публиковала три рассказа Манро, на этом все. Поскольку 80-летняя

¹Элис Манро. Луны Юпитера. Пер. с англ. Елены Петровой. Азбука, 320 с.

Элис Манро объявила о конце своего писательства, то как только все переведут и издадут, так сразу можно будет и исследовать, при желании. За сорок лет творчества Манро написала четырнадцать сборников рассказов, иногда разрастающихся до небольших повестей. «Автор сборника рассказов выглядит человеком, которого не пускают в Большую литературу и он только околачивается у ворот», — шутила она в «Вымысле» словами своей героини.

Обычно это рассказы о женщинах. В 2014 году я рецензировала ее «Слишком много счастья» и осторожно говорила, что основной конфликт сборника — конфликт женского и мужского миров. За два года я только укрепилась во мнении — это вообще основной конфликт Манро (есть и другие, но не часто). Манро исповедует тайный, подспудный феминизм, и этот способ смотреть на мир затягивает. Читаешь рассказ за рассказом, сборник за сборником, а все никак не привыкнешь, что они почти только исключительно про женщин. Что главной героиней может быть 14-летняя девочка-убийца или старуха-протестантка, учительница пения или бывшая алкоголичка из Анонимных алкоголиков, литературный редактор неведомого журнала или сама Манро. В последней книге «Луны Юпитера» Манро часто пишет о себе, своей семье и детстве. Никакой особенный сюжет ей не нужен, впечатление такое, что из любого эпизода жизни любой женщины Элис Манро может сделать отличный рассказ. Выпускница консерватории устроила роман с учителем биологии; блудный сын пришел домой; молодая поэтесса согласилась поужинать с писателем; отец семейства повез семью на пикник; мамыны сестры приехали в гости; одна девочка нанялась на птицефабрику потрошить индейку; другая девочка купила билет на поезд и поехала на север Канады — из всего получается проза. К этому трудно привыкнуть. Кроме этого, трудно привыкнуть к застывшему времени 60–70–80-х годов и постоянно-му пейзажу сельского Онтарио. Не Йокнапатофа, но что-то, конечно, есть. Если кто-то тяжело заболел или решил получить высшее образование, то персонажи Манро едут в Ванкувер, Торонто, как в заглавном рассказе, или Лондон. У них там, в Онтарио, какой-то свой Лондон. К этому тоже трудно привыкнуть.

Несколько новых слов издательство Ивана Лимбаха добавило к нашему знанию о французском постмодернисте **Жорже**

Переке¹ фигуре не сказать что широко известной, но культовой. В 2015 году под одной обложкой вышли его условно-автобиографические тексты. Впервые изданы «Эллис-Айленд» и «Я родился». «Эллис-Айленд» издатель определяет как эссе, но, скорее, это огромного размера верлибр, вполне эпический, обо всех переселенцах из Европы в Америку последних двух веков, чистилище контрольно-пропускного пункта Эллис-Айленд и сопутствующих размышлениях автора:

*быть эмигрантом, возможно, значит
именно это: видеть меч там, где
скульптор честно лепил факел,
и не совсем ошибаться.*

«Я родился» — лирическая проза, фрагменты записей, исповедей, воспоминаний и рефлексии. Переке, польский еврей по происхождению, родился в 1936 году во Франции, куда эмигрировала его семья, и в возрасте 6 лет этой семьи лишился — почти все его родственники погибли в концлагерях. Его комбинаторная, одновременно «рваная» и циклическая проза возвращается к теме сиротства, поиска родных и попыток вспомнить или выдумать заново события детства: «Детство — это вовсе не ностальгия, не ужас, не потерянный рай, не золотое руно. Возможно, это — горизонт, точка отправления, координаты, позволяющие линиям моей жизни вновь обрести смысл». В романе «**W, или воспоминания детства**» (это вовремя подоспевшее переиздание, предыдущее «Ювента» издавала лет 15 назад тиражом в 1000 экземпляров) главы-воспоминания чередуются с главами утопии про волшебную страну атлетов, где царит Спорт. Подобное чередование вымысла с реальностью было в романе «Человек, который спит», в «Я помню» и в «Темной лавочке». Писать о детстве для Переке одновременно и невозможно, и необходимо, поэтому во всех его романах есть автобиографические детали, автобиографии сопровождаются вымышленными историями и ни один автобиографический по замыслу проект не доведен до конца. «Я родился» — тоже.

¹Жорж Переке. Кондотьер. Пер. фр. Валерия Кислова. Издательство Ивана Лимбаха, 208 с.
W, или воспоминания детства. Пер. с фр. Валерия Кислова. Издательство Ивана Лимбаха, 392 с.

За год до этого, в 2014, чудесным образом нашелся и появился на русском первый законченный роман 24-летнего Перека **«Кондотьер»**, еще в 1960 отклоненный «Галлимаром» и потерянный автором. Его главный герой, Гаспар Винклер, художник и убийца, мается муками самоидентификации, поиском подлинности творческого акта и тем, как это связано со свободой. Книжка совершенно постмодернистская: про то, можно ли создать настоящее, если все время копировать чужое.

Как вписать в корпус прозы Перека? У Кондотьера с портрета работы Антонелло да Мессины, не дающего покоя Гаспару, шрам на верхней губе точно, как у самого Жоржа Перека. Эта автобиографическая деталь появляется позже в «Человеке, который спал». Сам Гаспар Винклер — в романе «Жизнь, способ употребления».

Обе книги вышли в переводе бессменного переводчика Перека Валерия Кислова с его комментариями и послесловием.

Еще один мальчик Мотл французской литературы — **Ромен Гари**¹. **«Вино мертвецов»** — тоже первый юношеский роман, заверченный в те же 24 года, в 25 лет подаренный женщине в знак вечной любви, потерянный и тоже случайно найденный полвека спустя. При жизни автора его не опубликовали, но именно из этого романа, как из большого черновика, Гари выращивал следующие книги — и больше никогда так яростно, саркастично, дерзко, гротескно не писал. Больше никогда не сочетал дьявольский цинизм с острым состраданием к человеческим несчастьям, черный юмор со странной любовью к людям. Больше никогда не бывал таким богохульником и поклонником средневековых скабрёзностей. Под обложкой — фантазмагория с шокирующими похождениями пьяного Тюлипа на том свете — пляски смерти, пир во время чумы, Дантовы круги ада, Гоголь, Достоевский и Сологуб, впрочем, и Босх, Брейгель и Гойя. Словом, все, что мы так любим в мировой культуре, сказанное двукратным лауреатом Гонкуровской премии на заре карьеры. Самая ценная и страшная мысль романа — такая: если можете, живите прилично прямо сейчас. Смерть отличается от жизни только тем, что вся мерзость повторяется бесконечно, а умереть уже некуда. Добро пожаловать

---

¹Ромен Гари. Вино мертвецов. Пер. с фр. Натальи Мавлевич. Корпус, 256 с.

«в бездну роскоши, бездну разврата, порока и прочих атрибутов преисподней».

Два захватывающих романа о любви в жизни филологов, неожиданно снискавшие читательскую славу, американский и английский: «**Стоунер**» **Джона Уильямса**¹, (1965, признан одним из триумфов американской литературы), «**Обладать**» **Антонии Сьюзен Байетт**² — (1990, лауреат Букеровской премии, переведен на 26 языков и включен в программы университетов мира).

«Стоунер» на русский язык перевели только теперь, на второй волне взлета читательского интереса. Эта история о сыне фермера, внуке фермера, родившемся на серой земле Среднего Запада и в 20 лет (на 18-й странице) влюбившемся в 73-й сонет Шекспира, — история самого Уильямса и жизни, то ли освещенной, то ли сожженной английской литературой. Незатейливый линейный сюжет, кафедральная суета, сварливая жена, несчастная любовь и сложные отношения с дочерью, но в частях, посвященных собственно филологии, понимаешь, что Уильямс — большой писатель, не зря отмеченный Национальной книжной премией США: это гимн призванию, лебединая песня. Умирая и вспоминая простую и честную преподавательскую судьбу, Стоунер (т.е. и Уильямс) спрашивает у себя: «А чего ты, собственно, хотел?» И не находит ответа. Ничего другого не хотел. Потому что пока литература отвечает исследователю взаимностью, этого достаточно для осмысленной жизни.

Антония Байетт написала свою игрушку литературоведа 25 лет назад, книгу с тех пор издавали и экранизировали, но «романтический роман» не теряет популярности. Во-первых, он с хорошим концом. Во-вторых, он, правда, отлично сделан. Два современных исследователя английской литературы, мужчина и женщина, Роланд Митчелл и Мод Бейли, изучают творчество двух поэтов викторианской Англии, мужчины и женщины, Рандольфа Генри Падуба и Кристabelle Ла Мотт, которые, понятное дело, любили, читали и до известной степени исследовали писателей предыдущих эпох, которые, в свою очередь, отдали часть жизни

¹Джон Уильямс. Стоунер. Пер. с англ. Леонида Мотылева. Корпус, 384 с.

²Антония Байетт. Обладать. Пер. с англ. Виктора Ланчикова и Дмитрия Псурсева. Иностранка, 640 с.

собираанию и систематизации фольклора (в нашем случае — бретонского). У *этих* двоих — будет роман? А у *тех* двоих — был? А у английской классики и французского фольклора — был? Разумеется, Байетт их выдумала, со всеми статьями, монографиями, поэмами, прозой, со всеми их письмами, черновиками, дневниками, счетами от прачки, газетными заметками, и обширные «цитаты» несуществующего «наследия» составляют половину романа.

Байетт интересуют историческое наследование и связность культуры и эпох, кризис мировых религий, конец света, пропасть и необоримое притяжение между женским и мужским мирами и еще множество затронутых в романе тем. Но в главном книга про любовь как жажду обладания, где знание равно обладание. Где любящему необходимо знать, что ел, что пил, куда ходил, что и кому написал и в котором часу отправил письмо объект одержимости. И не так важно, живет этот объект по соседству или умер пару веков назад. Очарованные, мы собираем любую информацию, рискуя разочароваться. Супружеские измены, внебрачные дети, безнадежно-слабые черновики, глупости, подлости, ошибки — мы не знаем заранее, сможем ли это принять. Но другого пути у любящих, похоже, нет.

Пару слов о лирической прозе и **Елене Бочоришвили**¹ со сборником **«Только ждать и смотреть»**. Елена Бочоришвили — грузинская русскоязычная писательница, живущая в Канаде и известная в Европе. Ни один жанр лирической прозы к историям Бочоришвили не подходит, а проза между тем все же лирическая — повышенный эмоциональный строй, стиль важнее фабулы, автор виднее героев. Легкие и какие-то скорописные повести по духу близки Пиросмани, если уместно сравнивать живопись и литературу: короткие предложения, стенографическая запись, почти конспекты прозы. Я сперва написала это, про стенографическую запись, а потом уж науглила, что Бочоришвили придумала новый вид романа — *Roman stenographique*, «сокращенный роман», «роман-стенограмма». Дистанция памяти и эмиграции, с которой автор смотрит на мир, делает его чуть кукольным и остро-трогательным. Ее героини живут свои почти игрушечные жизни на холмах Грузии и Франции, собирают чемоданы, поку-

¹Елена Бочоришвили. Только ждать и смотреть. Корпус, 416 с.

пают корову, сплетничают, молчат, ссорятся, обнимаются. Сборник задыхающихся, захлебывающихся зарисовок получил «Русскую премию»-2016 в номинации «Малая проза», и это, на мой вкус, замечательно.

Еще одна книжка издательства «Корпус» — с важной предысторией. Много раз и вполне публично **Мишель Уэльбек**¹ говорил, что «Коран вызывает депрессию». За это он обвинялся в исламофобии и разжигании религиозной ненависти, подвергался угрозам со стороны мусульманских общин и на какое-то время даже покидал пределы родной Франции. А потом написал роман о том, как счастлив его принявший ислам герой в принявшей тотальный ислам Франции. А когда «**Покорность**» попала на прилавки, на следующий день террористы расстреляли редакцию журнала «Шарли Эбдо». На обложке тогда была карикатура на Уэльбека.

Герой все тот же самый, абсолютно одинокий, изверившийся, потерянный интеллигентный европеец общества потребления в депрессии (нет, ислам тут как раз ни при чем, мы и сами неплохо справляемся) и с тотальным отсутствием смысла жизни — Франсуа, преподаватель Сорбонны-IV. Алкоголь и секс помогают ему слабо, даже Бруно из «Элементарных частиц» они принесли больше счастья. Автор по-прежнему методично ненавидит своего героя, но не оставляет ему шанса даже сбежать из умирающей Европы в блаженный дауншифтинг. «Покорность» — роман не о том, как жаль, что все так вышло, а о том, что сам виноват. Утрата ценностей и смысла, инфантильность и неспособность к решениям и выборам, эгоизм и привычка скучать — путь, неизбежно приводящий к мысли, «что высшее счастье заключается в полнейшей покорности».

Мысль не нова: если человеку не нужны жизнь и свобода, то на нее в любой момент найдется охотник. Мусульманин. Или, с тем же успехом, наркодилер. Или, к примеру, деспотический муж. Счастье плыть по течению, не раскачивая лодки, — счастье весьма сомнительное. Что делать в масштабах социальной проблемы — не ясно, и Уэльбек не рассказывает. Но в частных случаях инфантилизма психотерапия предлагает множество работающих способов, как взять на себя ответственность за свою жизнь и на-

---

¹Мишель Уэльбек. Покорность. Пер. с фр. Марии Зониной. Корпус, 352 с.

слаждаться свободой. Первое правило — перестать спасать мир и заняться собой. Второе — проявлять дозированный и живой интерес к тому, что происходит в мире. Роман-гипотеза не создаст у вас кристальной ясной политической картины Франции, но отчасти сориентирует. И для России книжка тоже актуальная.

Роман с замятинским названием «**Мы**» британского прозаика и сценариста **Дэвида Николса**¹ не имеет отношения к антиутопиям. Он про семью. Обыкновенную, типичную. Муж и жена прожили вместе 25 лет, он очень любил ее, да и она его, в общем-то, любила, они родили сына и жили счастливо. Но сын вырос и уехал учиться, а жена главного героя сказала, что их брак исчерпан. Очень простая житейская история с хорошим концом, выдержанная в духе исповедального романа. Нелинейное повествование, главы знакомства и первых поцелуя, секса, танца, ссоры перемежаются главами с ними же, но последними (или все же не последними?), — однако в композиции не путаешься. Размеренный темп, прописанные персонажи, естественные диалоги, хороший язык, человеческий перевод — все это так приятно и так давно не попадалось в жанре любовно-семейного романа, что рекомендую. У наших героев запланировано на троих прощальное путешествие по Европе: Париж — Брюссель — Амстердам — много Италии, — можно вспомнить свои вояжи или просто вволю позавидовать. В одном из интервью Николс говорил, что любит Диккенса и находит в его прозе «много комического и сентиментального». В романе «Мы» ничего диккенсовского я не нашла, но комического и сентиментального, в самом деле, — много.

Никогда не любила, не читала и ничего не понимала в магическом реализме, пока мне не попался сборник рассказов американца **Джонатана Кэрролла**² — тридцать восемь историй, полное собрание «**Замужем за облаком**». Читала и не могла остановиться, пока все тридцать восемь штук не кончились: бешеная скорость повествования, знание человеческих душ и характеров, оглушительные финалы и заправское повеление богами, вооб-

¹Дэвид Николс. Мы. Пер. с англ. Екатерины Коротнян и Ольги Александровой. Иностранка, 512 с.

²Джонатан Кэрролл. Замужем за облаком. Пер. с англ. коллектива авторов. Азбука, 544 с.

ражаемыми друзьями и мертвыми. Не знаю, как я раньше обходилась без магического реализма. В роли мистического выступать у Кэрролла может что угодно: ангелы, шизофрения, смерть, непосильное одиночество, боги, безумцы — все, с чем разум не в силах совладать, не в силах даже утверждать наверняка, есть оно или нет. Поле неосознаваемого много больше осознаваемой реальности (человеку вообще известен узкий спектр цветов, диапазон частот и ничтожно малый фрагмент Вселенной). Джонатан Кэрролл — это страшные сказки для взрослых, пугающий и притягательный мир иррационального, явившийся в реальность. Мы же не станем делать вид, что богов, сумасшедших и воображаемых друзей в нашей жизни никогда-никогда не было, правда?

В жанре биографии в этот раз будет не биография в строгом смысле слова, а книга **Анны Сергеевой-Клятис**¹ «**Пастернак в жизни**», сборник хронологически выстроенных живых свидетельств, в которых объективная истина никак не отделена от субъективных оценок, aberrации памяти, слухов, сплетен, домыслов, ошибок. Это поток фрагментов прозы и стихов Пастернака, газетных вырезок, воспоминаний знакомых, задача которых — создать как можно более реальный, невыхоленный, стереоскопический образ Пастернака. Да, по модели Вересаева «Пушкин в жизни», «Гоголь в жизни». Ощутимое место в книге отведено текстам, написанным самим Пастернаком — письмам и дневниковым записям. Вот такие попадают: «Дорогая мамочка!.. Я очень устал. Не от последних лет, не от житейских трудностей времени, но от всей своей жизни. Меня утомил не труд, не обстоятельства семейной жизни, не забота, не то, словом, как она у меня сложилась. Меня утомило то, что осталось бы без перемены, как бы ни сложилась она у меня. Вот то и грустно, и утомительно... что чуть ли не весь я всю жизнь оставался и останусь без приложения». Переписка Пастернака, разумеется, давно опубликована, но в сочетании с другими свидетельствами выглядит по-новому.

В том же издательстве и в том же жанре вышла книга о «ниценке-подруге» **Надежде Яковлевне Мандельштам**. Сборник

¹ Анна Сергеева-Клятис. Пастернак в жизни. Редакция Елены Шубиной. АСТ, 560 с.

составлен **Павлом Нерлером**¹ из текстов разных жанров. Кроме стихов Мандельштама и переписки супругов, самый обширный и хронологически организованный раздел — это очерки Надежды Мандельштам, расшифровки аудиоинтервью с ней и ее письма, перемежающиеся текстами о ней (воспоминания, письма, материалы к биографии, посмертные статьи). Огромная жизнь, легшая между счастливым, юношеским, влюбленным «И холодком повеяло высоким / От выпукло-девического лба, / Чтобы раскрылись правнукам далеким / Архипелага нежные гроба» — и полным отчаяния «я покупаю в грязном буфете грязной гостиницы какую-то еду. Со мной были какие-то совсем чужие люди, и, купив, я поняла, что не знаю, куда нести все это добро, потому что не знаю, где ты. Проснувшись, сказала Шуре: Ося умер. <...> Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, — я плачу, я плачу, я плачу».

---

¹Павел Нерлер. Посмотрим, кто кого переупрямит. Надежда Мандельштам. Редакция Елены Шубиной, АСТ, 736 с.